

Н. Ю. ЖОССАН

Уфимская государственная академия искусств
им. Загира Исмагилова

УДК 78.03:78.072.2-101

ОСОБЕННОСТИ ПРЕТВОРЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ В РУССКОЙ ХОРОВОЙ МУЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

В отечественной музыке XX века взаимоотношения между композиторским и фольклорным творчеством складываются особым образом, обнаруживая в своём развитии различные тенденции. Мощный всплеск интереса к фольклору со стороны композиторов и исследователей, как известно, приходится на период конца 50-х – первой половины 70-х годов. Появляется множество работ, посвящённых творчеству композиторов так называемой «новой фольклорной волны», а затем и фундаментальные труды Г. Головинского и И. Земцовского.

В последующие десятилетия внимание к проблеме «композитор и фольклор» явно ослабевает. К тому же и неофольклорное направление, являющееся одной из наиболее ярких и значительных стилевых тенденций в отечественной музыке 60-х годов, постепенно утрачивает свои лидирующие позиции. Однако в области кантатно-ораториального творчества интерес к фольклорной традиции устойчив на протяжении всего периода второй половины XX – начала XXI веков. Хоровое пение в генезисе своём тесно связано с народно-песенными истоками, отсюда и особая «предрасположенность» жанров хоровой музыки к фольклорной тематике.

Избранный для изучения период фокусирует в себе достижения композиторов различных поколений и стилевых направлений. Цель настоящей статьи – выявить основные тенденции претворения фольклорных жанров в хоровых сочинениях композиторов второй половины XX века с позиций теории стадиальности.

Стадиальный метод получил широкое применение в искусствоведении, литературоведении. Его суть составляет сравнительный подход к исследованию сходных художественных явлений в исторически аналогичных, но хронологически не совпадающих стадиях развития. Введённый в отечественное музыковедение Г. Григорьевой, стадиальный метод плодотворно используется в исследованиях Э. Алексеева, В. Дулат-Алеева, И. Земцовского, Е. Скурко и др. «Стадиальный подход, с одной стороны, – отмечает Г. Григорьева, –

выявляет *общее* в творчестве ряда композиторов: оно сказывается прежде всего в опоре на сходные полюса стилового притяжения в выборе жанров, технологических средств. Индивидуальное раскрывается в сфере образно-содержательного замысла, в концепциях конкретных произведений, стилистике»¹.

На различных исторических этапах принципы подхода авторов к фольклорному материалу проявляются через характерные тенденции в выборе жанров, методов работы с фольклорными первоисточниками. Вторая половина XX века с этой точки зрения представляет несомненный интерес, поскольку на рубеже 50–60-х годов формируется качественно *новое* отношение к народному музыкально-поэтическому творчеству, отмеченное стремлением композиторов осознать фольклор как особую систему музыкального мышления, проникнуть в её закономерности. Наличие общих тенденций на протяжении всего периода и в то же время их индивидуальное преломление на разных временных отрезках позволяют условно выделить внутри него две стадии. Первая охватывает конец 50-х – 70-е годы, вторая – 80–90-е.

Первая стадия представляет собой яркое «договаривание» традиции неофольклоризма Стравинского, восстанавливающее прерванную эволюцию. Вслед за Стравинским, а также и Бартоком, композиторы «новой фольклорной волны» (В. Гаврилин, Ю. Буцко, С. Слонимский, Б. Тищенко, Р. Щедрин) расширяют ареал фольклорных жанров, раздвигая хронологические рамки от древнейших пластов до современности. Авторы изучают народное музыкально-поэтическое творчество в фольклорных экспедициях и проявляют огромный интерес к фольклорной исполнительской манере. Вспомним, что и Стравинский отдавал предпочтение фонограммным записям народно-песенных источников, а не обработанным, что свидетельствовало о его интересе к аутентичному фольклору. Анализируя специфику претворения народно-песенных первоисточников в композиторском хоровом творчестве

этого этапа, остановимся на двух аспектах: выборе жанров и методах работы с фольклорным материалом.

Композиторы, активно осваивая весь широкий жанровый диапазон народной музыки, концентрируют, вместе с тем, своё внимание на его «крайних» точках. Их интересуют архаические жанры (календарно-обрядовые песни, плачи) и более современные – *частушки*. Плач, причёт привлекают авторов, прежде всего, «предельностью» эмоционального накала, созвучной эпохе XX века, отмеченной социальными потрясениями (революции, войны) и экологическими катаклизмами. В плаче и частушке, семантически предельно контрастных жанрах, обнаруживается сходный структурный принцип – *формульность*. Опора на него приводит к образованию особого рода микротематизма – фольклорно-попевочного, характерного для музыки XX века в целом.

Дихотомия «*фольклорное – авторское*» демонстрирует разнообразие композиторских интерпретаций народно-песенного первоисточника. Принципы композиторского подхода к фольклорному материалу выявляют три основных типа претворения: 1) воссоздание фольклорного жанра; 2) жанровое переосмысление; 3) синтез различных фольклорно-жанровых элементов в авторском тематизме.

Воссоздание предполагает воспроизведение фольклорного жанра как целостной структуры с сохранением основных типологических признаков (мелодико-интонационных, ладовых, метроритмических, особенностей соотношения слова и мелодии, формообразования). Опираясь на инвариант и создавая собственный вариант народно-песенного источника, композитор прибегает к специфическим средствам академического искусства. При этом он может оставаться в рамках используемого жанра или же прийти к *смысловому расширению жанрового инварианта*. Данная тенденция активного обращения с фольклорным материалом, наметившаяся ещё в «Курских песнях» Г. Свиридова, становится характерной для рассматриваемой стадии. Сохраняя целостность народно-песенного источника, композитор вносит собственные акценты в «жанровое содержание» и «жанровый стиль» фольклорного образца. Это проступает в яркой индивидуализации фактурно-гармонических, динамических, тембровых средств, а в некоторых случаях – в появлении элементов других жанров. Интересно в этом плане сравнение двух авторских «версий» жанра частушки: в кантате «Вечерок» Ю. Буцко и хоре «Посиделки» из симфонии-действия «Перезвоны» В. Гаврилина. Если интерпретация Буцко строится на привнесении в частушку черт плача, что приводит к углублению и психологизации фольклорного прообраза, то Гаврилин демонстрирует лирико-созерцательное истолкование первоисточника.

Оппозиция исходного фольклорного материала и его авторской интерпретации может привести к *жанровому переосмыслению и деформации*. Переосмысление

фольклорного жанра представляет собой перевод вербального текста в иной фольклорный жанр. Так, в заключительном речитативе «Как пуцу я свою волошку» из кантаты «Свадебные песни» Ю. Буцко плач невесты воспринимается скорее как ритуал, нежели непосредственное выражение трагедийных эмоций, поскольку манера исполнения не плачевая, а былинно-сказовая.

Жанровая деформация – нарочитое «несовпадение» жанра фольклорного источника и его музыкального истолкования в композиторской трактовке. Возможные при этом гиперболизация, утрирование или же сознательное деформирование отдельных признаков жанрово-типологического комплекса приводят к нарушению его целостности. Это влечёт за собой деформацию содержания фольклорного прообраза, иногда сопровождаемую эффектом пародирования, гротеска (Н. Сидельников «Сокровенны разговоры», хор «Шла эскадра»).

Жанровый синтез основан на сочетании примет нескольких фольклорных жанров в композиторской интерпретации фольклорного поэтического текста. Причём в авторском тематизме жанр может быть представлен не как целостная структура, а лишь через его отдельные сегменты. При этом связь с фольклорно-жанровой парадигмой может проступать только на уровне вербального ряда. Музыкальный же ряд часто опирается на *полижанровость*. В авторском тематизме могут сочетаться элементы различных жанров, даже предельно контрастных: лирической песни и плача («Свадебные песни» Ю. Буцко, «Лебёдушка» В. Салманова), песни, танца, плача и джазовых ритмоформул («Сокровенны разговоры» Н. Сидельникова). В результате возникают своего рода «жанровые гибриды», не имеющие аналога в фольклорной практике. Таким образом происходит *отстранение* (В. Шкловский) текста оригинала, что приводит к выходу за рамки фольклорной поэтики.

Этап 60–70-х годов обнаруживает преемственность со следующей стадией рассматриваемого периода, охватывающей 80–90-е годы. Здесь получают продолжение ранее наметившиеся тенденции в трактовке народно-песенных источников: смыслового расширения жанрового инварианта, жанрового синтеза («Четыре русские песни» С. Слонимского, «Господин Великий Новгород» Ю. Буцко, «Деревенские хоры» М. Ермолаева и др.).

Вместе с тем, появляются сочинения, свидетельствующие о новом уровне взаимоотношений фольклорного и профессионального творчества. Взаимодействие фольклорного и авторского текстов строится таким образом, что в роли единиц фольклорного текста могут выступать не только фольклорно-жанровые сегменты, но и *общефольклорные языковые признаки* – характерные мелодико-интонационные обороты, ладогармонические структуры, принципы развития. В этом случае связь с исходным народно-песенным жанром проступает только на уровне вербального

ряда. Причём, часто фольклорные первоисточники, *контрастные* по образно-эмоциональному строю и *различные по жанровой принадлежности*, истолковываются авторами в *едином ракурсе*. В этом случае фольклорно-жанровое преломляется сквозь призму характерно-речевого, с одной стороны, и попевочный принцип развития музыкального материала, – с другой («Симфония в обрядах» Л. Пригожина, «Концерт-кантата» И. Роголёва).

В таком подходе прослеживается традиция «русских» сочинений Стравинского. Воздействие Стравинского ощущается в опоре на характерно-речевое, попевочный принцип развития материала, в широком применении различных приёмов ритмического варьирования. Активное творческое преломление получает принцип И. Стравинского «простое в сложном окружении». Фольклор ассимилируется с новыми техниками, фольклорные элементы преломляются в условиях полидиатоники, свободного хроматического контекста («Воинские причитания» В. Рябова).

В 80–90-е годы неофольклорное направление постепенно утрачивает свои лидирующие позиции. Динамика взаимоотношений фольклорного и профессионального творчества, аналогичная процессам, происходящим в музыкальном искусстве, обнаруживается и в литературе, где в 60-е годы наступает расцвет так называемой «деревенской» прозы (В. Астафьев, В. Белов, Е. Носов, В. Распутин). Сближает эти процессы и то, что начинаются они как бы из «вершины-источника», с кульминации, а в последующие десятилетия и неофольклорное направление, и «деревенская» проза постепенно теряют свой приоритет.

Интересно отметить, что в отечественном кинематографе взаимоотношения фольклорного и профессионального творчества развиваются более плавно, действительно, в большей степени напоминая волну, очерчивающую движение к кульминации и последующий спад. От экранизаций народных легенд, эпоса, сказок 30–40-х годов («Садко», «Илья Муромец», многочисленные сказки А. Роу), построенных на отражении поэтики фольклорного первоисточника, к более сложным формам сочетания народного и индивидуально-авторского в 70–80-е годы, являющимися кульминацией, и последующим снижением интереса к фольклорной тематике во второй половине 80-х – 90-е годы – такова суть наблюдаемой эволюции.

Начиная с 70-х, и в последующие годы понятие «неофольклоризм», как отмечает Г. Григорьева, теряет свой однозначный смысл, «органически вписываясь в общее развитие активных стилевых взаимодействий»². Синтез фольклорного и авторского в музыке последних двух десятилетий XX века ориентирует на культурно-художественные парадигмы прошлого и настоящего. Сложный синтез стилевых тенденций в ракурсе *постмодернизма* приводит к новому качеству художественного мышления, опирающемуся на неограниченный плюрализм возможностей обращения

к различным пластам многовековой истории музыки: средневековью, барокко, классицизму, романтизму, фольклору и поп-музыке. Индивидуальность постмодернистской концепции проявляется в сложной системе компонентов исторических стилей, проступающих на глубинном структурном уровне. В композиторском творчестве определяющим становится *культурологический метод* (В. Тарнопольский). Анализ интертекстуальных связей позволяет, с одной стороны, выявить подтекст сочинения, а с другой, – представить его в пространстве «большого Текста культуры».

Столкновение стилей приводит к многоплановости драматургии в кантате Л. Десятникова «Пинежское сказание о дуэли и смерти Пушкина», основанной на сцеплении нескольких линий. Происходит синтез принципов «симультанной драматургии» (М. Лобанова) и контрастно-кадровой, основанной на внезапном переключении планов, как в кинематографе. Жанрово-стилистическая сфера, связанная с фольклорной линией, реализуется через звучание фольклорного ансамбля и речь сказительницы. Музыкальная характеристика данной образно-эмоциональной сферы опирается на претворение закономерностей фольклорного языка: мелодических, ладовых, метроритмических, структурных.

Второй жанрово-стилистический пласт возникает в партии оркестра. Он внутренне контрастен и существует в виде: 1) сонорного звукового пространства, служащего фоном для повествования сказительницы, где автор прибегает к приёмам алеаторики; 2) оркестровых фрагментов с рельефно очерченным тематизмом.

Третья жанрово-стилистическая линия связана со сферой русской музыкальной классики XIX века. Для неё характерна опора на нормы классического мышления: тональную закономерность, прочную ладофункциональную основу, протяжённый тематизм. Эта линия получает развитие в партии тенора соло, где в качестве жанровых моделей выступают романс и оперный речитатив. Кантиленная вокальная мелодия, проникнутая восходящими секстовыми интонациями, «дышащая», пульсирующая аккордовая фактура сопровождения у струнных (*Allegro agitato*, ц. 22–27) выявляют близость к романсовой лирике XIX века. Появление в сцене перед дуэлью аллюзии на интонации Ленского из «Евгения Онегина» усиливает эффект «театра в театре», с одной стороны, и создаёт ощущение культурно-исторической перспективы, с другой.

Стилистические контрасты становятся важным фактором драматургического развития, мощным импульсом, вызывающим драматические столкновения, выявляющим иронический подтекст и гротеск. Так, несоответствие стилистики фольклорного поэтического текста со специфической диалектной лексикой возвышенно-романтического строю музыки в партии тенора соло приводит к гротескному «снижению» образа. Утрирование, гиперболизация жанровых черт, парадоксальное сочетание «несочетаемых» элементов вызывают жанровую деформацию: возвышенный романс

превращается в «жестокый». Аккомпанемент электрогитары, преувеличенно аффектированные интонации, глассандирующие перепады оставляют впечатление «надрыва», свойственного «жестокому» романсам.

В противовес условно-театральной линии фольклорное повествование, действуя через «память жанра» (М. Бахтин), вызывает ощущение глубокой искренности. Развитие фольклорного пласта достигает высокой точки эмоционального накала чувств.

Взаимодействие и противопоставление контрастных жанрово-стилистических сфер в кантате Десяникова приводит к многозначности и многомерности содержания. Фольклорное – сонорно-алеаторическое – классическое – соотносятся как «знаки», символы эпох, воссоздавая ощущение музыкально-исторического пространства. В то же время превращение «чужого слова» (М. Бахтин) в «чужое-свое» (М. Лобанова) обеспечивает высокую концентрацию плотности музыкального времени.

Новая тенденция претворения фольклорных жанров в период двух последних десятилетий возникает благодаря ренессансу русской духовной музыки, ставшему другим важным звеном прерванной эволюции и перекинутому арку к началу столетия. Одной из характерных черт современной духовной музыки является проникновение фольклора в сакральное пространство. Истоки этой тенденции прослеживаются в русском искусстве прошлого столетия, прежде всего, в творчестве композиторов Новой московской школы (А. Кастальский, А. Гречанинов, П. Чесноков) и С. Рахманинова.

Претворение фольклорных жанров в сакральном контексте модифицирует дихотомию «фольклорное – авторское» в триаду «фольклорное – сакральное – авторское». Принципы композиторского подхода к фольклорному материалу во многом совпадают с общими тенденциями, свойственными русской музыке второй половины XX века, хотя и имеют свои специфические особенности. Так, одним из наиболее «востребованных» фольклорных жанров, как и на предшествующей

стадии, становится плач. Однако, если ранее он привлекал композиторов, прежде всего, «предельностью» эмоционального накала, то в сакральном контексте плач выполняет «функцию символа русской скорби» (Е. Назайкинский). В центре их внимания также оказывается почти не использовавшийся ранее в советской музыке жанровый пласт – *русские духовные стихи*, представляющие собой сплав фольклорных и церковных традиций («Плач земли» и «Покаяние» В. Калистратова, «Сказание о земной жизни Пресвятой Богородицы» В. Григоренко, «Посвящение М. П. Мусоргскому» Г. Белова и др.).

Новыми тенденциями отмечено отношение и к широко применяемому в предшествующий период народно-песенным жанрам. В творчестве русских композиторов 60–70-х годов отчётливо проступает стремление к усложнению и психологизации фольклорно-жанрового первоисточника, что приводит к его переосмыслению или деформации (нередко с чертами гротеска). Авторская интерпретация фольклорного текста, как правило, строится на синтезе нескольких предельно контрастных жанров, в результате чего рождается художественный образ, не укладывающийся в рамки фольклорной поэтики.

Претворяя фольклорный жанр в контексте духовной музыки, автор стремится *сохранить* первоначальную семантику фольклорных прообразов, поскольку в сакральном пространстве фольклорный первоисточник выступает как *знак национального*. Синтез различных фольклорных жанров не приводит к выходу за пределы фольклорной поэтики, поскольку объединяются жанры или жанровые признаки, взаимодействующие в реальной народно-песенной практике (например, духовный стих и плач в «Русских страстях» А. Ларина, «Покаянии» В. Калистратова).

Таким образом, сочинения, появившиеся на рубеже XX–XXI столетий, свидетельствует не только об интересе композиторов к фольклору, но и о возникновении *новых* тенденций в претворении фольклорных жанров в русской хоровой музыке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Григорьева Г. Стилевые проблемы русской советской музыки второй половины XX века: 50–80-е годы. – М., 1989. – С. 18.

² Там же. – С. 133.

Жоссан Наталья Юрьевна

кандидат искусствоведения, доцент
кафедры теории музыки
Уфимской государственной академии
искусств им. Загира Исмагилова

